

Development, main principles and notions of axiological lexicography are considered in the article. It is also made an attempt to build model of axiological dictionary based on memoirs of editor, patron and important cultural figure of the beginning of XXth century E. Chikalenko.

Keywords: *axiological dictionary, evaluation, memoiristics, E. Chikalenko.*

УДК 811.161.1+81'42

Палатовская Е., к. филол.н., доц.,
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫЕ МОДЕЛИ ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (на материале выступлений академика Д.С. Лихачева)

В статье описаны структурно-смысловые модели (топосы), на основе которых осуществляется процесс порождения эпидейктического дискурса, а также рассмотрены способы синтаксической репрезентации выделенных топосов.

Ключевые слова: *структурно-смысловая модель, топос, топика, эпидейктический дискурс, синтаксическая репрезентация, сложное предложение.*

Топика, разработанная еще в античной риторике Аристотелем как система мыслительных операций и особая техника изобретения содержания речевого высказывания, на долгое время была забыта гуманитарными науками, а термин *топос* (*topos*) [*гр. Topos – место*] в некоторых изданиях приобретал отрицательную коннотацию и трактовался как «общее место, всем известная, избитая мысль» [2, с. 639].

Во второй половине XX века в связи с бурным развитием социально-гуманитарных наук и возникновением смежных дисциплин, поставивших в центр изучения человека с его нуждами и потребностями, возрождается интерес к топике как особой системе смыслообразующего пространства, а термин *топос* (*topos*) начинает активно использоваться в философии, риторике, лингвистике, литературоведении и др.

В зарубежном языкознании начало активизации внимания к топике положили труды Х.Перельмана, который в 1950-х годах,

переосмыслив античных авторов, развивает в своей неориторической концепции идею исследования текстов на основе выделения топосов, а также вышедшая в 1953 г. и получившая широкую известность в странах Запада и Востока (Япония) книга «Топика и юриспруденция» Теодора Фивега, в которой автор определяет топику как «способ проблемно-ориентированного мышления, который был развит риторикой» [9, с. 79].

В русистике возрождение интереса к риторике и ее категориям приходится на 90-е годы XX века. Начиная с этого времени и до сегодняшнего дня, этот интерес не ослабевает, появляются все новые и новые научные исследования, которые рассматривают традиционные риторические понятия, в том числе и топику, в новых научных парадигмах – лингвопрагматики, дискурсологии, когнитивистики [см. раб. В.А. Садиковой, Л.В. Ассуировой, Г.Г. Хазагерова, С.В. Лукашевич, Ю.В. Шуйской и др.].

Несмотря на активную эксплуатацию в современных гуманитарных исследованиях последних лет такой центральной категории топики, как *топос*, единого, удовлетворяющего всех определения данного термина не существует, как нет и четкого разграничения терминов *топ* и *топос*. Однако, как верно отмечает Г.Г. Хазагерова, «при всем несходстве понимания топосов инвариант этого понимания – способы, технологии развертывания речи и мысли – вычленяется легко. Нетрудно заметить и то, что топосом можно считать как отвлеченный от семантического наполнения способ, так и просто конкретную тему, конкретный мыслительный ход, аргумент. Тем самым мы имеем удобный познавательный инструмент (инструменты, учитывая типологию), дающий возможность описывать дискурсы в терминах каких-то содержательных или формальных базисов, порождающих все дискурсивное многообразие» [11]. В нашей работе термины *топос* и *топ* не разграничиваются, *топосы (топы)* понимаются как структурно-смысловые когнитивные модели, на основе которых осуществляется процесс порождения того или иного дискурса. Данные модели имеют сложную иерархическую организацию, тесно взаимодействуют, скрещиваются, совмещаются в одном контексте, целенаправленно «работая» над выполнением общего коммуникативного задания.

Целью данного исследования является описание структурно-смысловых моделей (топосов), организующих эпидейктический

дискурс, а также изучение способов синтаксической репрезентации в тексте выделенных топосов.

Материалом для исследования послужили шесть эпидейктических речей и выступлений Д.С. Лихачева в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов (1993–1999 гг.), которые, насколько нам известно, еще не были предметом специального изучения. Это актовая лекция «Петербург в истории русской культуры», прочитанная Д.С. Лихачевым в день вручения ему диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП (1993 г.), речь на праздновании в Университете 90-летия со дня рождения великого ученого (1996 г.), речь «О Пушкине» (1999 г.) и три выступления на церемониях вручения докторских мантий СПбГУП балерине Н.М. Дудинской (1995 г.), музыканту М.Л. Ростроповичу, актеру К.Ю. Лаврову.

Вслед за А.А. Кибриком, мы понимаем дискурс «как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т.е. текста. Благодаря такому двуединству, дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект» [5, с. 3]. Работая над классификацией дискурсов, А.А. Кибрик выдвигает следующие критерии их разграничения: модус (устный или письменный), жанр, функциональный стиль и категорию формальности [5]. Эпидейктические речи Д.С. Лихачева будут изучены с учетом и данных критериев.

Эпидейктическая речь – «это так называемая «речь на случай», речь торжественная, произносимая в речевых ситуациях особого рода: на юбилеях, других торжественных актах..., тогда, когда люди собираются, чтобы почувствовать свое единство, осознать себя как единую общность, как коллектив единомышленников, сотрудников, соратников, – или просто приятно провести время вместе...» [7, с. 322]. Она дает представление о нравственных ценностях самого оратора и/или коллектива его единомышленников, характеризуется особой публицистичностью, экспрессивностью, строится на принципах коммуникативного сотрудничества и эмоционального позитива. К инвариантным характеристикам эпидейктических выступлений следует отнести использование формул речевого этикета: приветствие, обращение к аудитории, благодарность, поздравление. Х. Перельман в своей неориторической концепции считает, что «в эпидейктической речи представлены стратифицированные иерархические оценочные

суждения. Они в большей степени, чем другие ораторские жанры, зависят от субъективного фактора, в них реализуется «персонифицированное действие» путем рассуждений о счастье, добре, справедливости и др. нравственных понятиях и ценностных категориях. Логика «чистого разума», рациональности замещается в эпидейктической речи «фигуральной», «метафорической» логикой, логикой «тропологических процессов» [3, с. 562].

Тексты анализируемых нами выступлений выдающегося деятеля мировой науки и культуры Д.С. Лихачева, помимо названных характеристик, свойственных всем эпидейктическим речам, имеют свои индивидуально-авторские особенности – это ярко выраженный культурно-просветительский, познавательный, воспитательный характер. Именно это сближает их с устным научным дискурсом и находит свое отражение как в выборе топосов для раскрытия авторского замысла, так и в их лексическом наполнении и грамматических характеристиках.

Исследователи различают два основных уровня структуры дискурса – глобальную и локальную [5]. В основе глобальной структуры эпидейктического дискурса, который не обладает значительной протяженностью, как нам представляется, лежит одна центральная смысловая модель (топос), которая определяет основной замысел оратора и за счет которой осуществляется тематическая, событийная, временная, пространственная связность дискурса. Помогает же в реализации данного замысла и осуществлении необходимой коммуникативной задачи целая система структурно-смысловых моделей (вспомогательных топосов), которые необходимы для развития центральной смысловой модели. Они отражают специфику мыслительной деятельности человека, непосредственно связаны друг с другом, могут делиться на элементарные дискурсивные единицы (предикации), образуя таким образом локальную структуру дискурса. С точки зрения синтаксической организации топосы иногда могут совпадать с границами предложения, однако чаще выходят за его рамки.

Как показало исследование, центральным смыслообразующим топосом в эпидейктических речах и выступлениях Д.С. Лихачева является топос *имя*.

В выступлениях на церемониях вручения докторских мантий СПбГУП балерине Н.М. Дудинской (1995 г.), музыканту М.Л. Ростроповичу, актеру К.Ю. Лаврову – это, естественно, имена героев, к которым обращена речь:

Я всегда думал: Золушка – это ведь придуманное имя, а как эту девочку зовут в действительности? И только теперь понял – ее зовут Наташа, Наталья Михайловна Дудинская [4, с. 26].

Круг докторов нашего Университета пополнился Кириллом Юрьевичем. Кирилл Лавров – типичный петербуржец, и это особенно отрадно для тех, кто здесь живет, кто здесь родился и гордится своим городом [4, с. 77].

Данные выступления невелики по объему. Вначале оратор называет имя, а потом, используя топоним *определение* (см. прим. 1, 2) или топоним *свойства* (см. прим. 3), дает очень краткую, но весьма яркую, а подчас и неожиданную (как в примере 2) характеристику героя речи:

1) *Лучший представитель нашего города, Кирилл Юрьевич является в какой-то мере символом творческой интеллигенции и всех петербуржцев [4, с. 77].*

2) *Эта женщина не только великолепная балерина, но и ученый, который передает знания о народах в духе своей танцевальной эрудиции [4, с. 27].*

3) *Уважаемые господа, Галина Павловна и Мстислав Леопольдович! Я думаю, что вы оба блистательно доказываете ту истину, что нравственность и искусство взаимно поддерживают друг друга и составляют единое целое [4, с. 60].*

Как видно из примеров, Д.С. Лихачеву нет необходимости перечислять все заслуги героев его речей, т.к. имена их уже стали прецедентными для русской культуры. Характеризуя ту или иную личность, он апеллирует к значимым для него «культуроцентричным» понятиям, служению которым он посвятил всю свою жизнь – жизнь великого гуманиста и ученого: *творческая интеллигенция, типичный петербуржец* (= интеллигент; человек, впитавший культуру с самого своего рождения), *ученый, знания, эрудиция, истина, нравственность, искусство* и т.д.

Речи, посвященные торжественным событиям собственной жизни, в которых Д.С.Лихачев как бы подводит итоги своих научных и нравственных поисков, также построены на смысловой основе топонима имя – это ***Петербург*** – «город общемировых культурных интересов» [4, с. 16], ***русская культура*** [4, с. 46], ***Пушкин*** – «автор для всех возрастов» [4, с. 78]. Уже в зачине речей ученый обосновывает свою мотивацию выбора предмета речи:

1) *Мне хочется сегодня выделить характерные только для **Петербурга** черты, свойственные всем векам его существования, которые необходимо поддерживать в будущем [4, с. 12].*

2) *Оглядываясь на прожитые годы, я могу сказать, что наиболее счастливыми были те периоды моей жизни, в которые мне удалось что-то сделать для **русской культуры** [4, с. 45].*

3) *Я думаю, что **Пушкин** – автор для всех возрастов. Его можно читать и в раннем детстве, и в старости, причем одни и те же тексты [4, с. 78].*

Топос *имя* является смысловым центром всего текста, для его раскрытия в основной части выступления оратор использует характерную прежде всего для научного дискурса структурно-смысловую модель *предыдущее и последующее*, которая предполагает строгую временную или причинно-следственную последовательность разворачивания дискурса. Для облегчения восприятия речи на слух и обеспечения параллельности мысли говорящего и слушающего частотно используются дискурсивные слова, которые сигнализируют о переходе от одного топоса (мысли, эпизода, события) к другому: *прежде всего, затем, позднее, потом, кроме того, первая..., вторая черта, другая горизонталь, третья горизонталь* (Петербурга) и др.

Обоснование общественной значимости предмета речи в каждом выступлении происходит на широком историческом фоне и сквозь личностное восприятие говорящего с приоритетным использованием топосов *целое – части, свойства, сопоставление* в двух его разновидностях – *сравнение* и *противопоставление* (особенно в речи о Петербурге), *причина и следствие, обстоятельства*. Необходимо отметить, что предлагаемые слушателю центральные понятия речи являются прецедентными для всей русской культуры и как будто бы не нуждаются в дополнительном объяснении. Тем интереснее представляется ход мысли оратора: ведь перед ним стоит непростая задача – представить свое видение хорошо известного предмета сквозь призму собственной жизни. Отсюда – вполне оправданное обилие *примеров, свидетельств* из личного опыта, высказываний *сентенционного характера, «цитирование»* самого себя:

1) *Как свидетельством особой русскости Петербурга – могу поделиться своими детскими впечатлениями... [4, с. 15].*

2) *Это мои краткие слова благодарности, которые необходимо сказать, потому что вспоминать все это не просто приятно, а*

необходимо, – как вспоминаешь слова молитвы, ложась спать вечером и вставая утром. То, что делает человека человеком, – благодарность, прощение и готовность к покаянию [4, с. 47].

Синтаксическая организация эпидейктических речей Д.С. Лихачева отличается предпочтительным использованием сложных синтаксических конструкций. Так, исследование языкового материала показало, что сложные предложения составляют 65,9% от общего количества предложений, причем большая часть из них представляет собой полипредикативные сложные предложения (29,5%) и сложноподчиненные предложения (22,8%). Более свойственные разговорной речи сложносочиненные (6,8%) и бессоюзные сложные предложения (6,8%), а также неосложненные простые предложения (19,3%), представлены в тексте речей в незначительном количестве. Полученные результаты обобщены в Таблице 1:

Таблица 1. Синтаксическая организация эпидейктических речей Д.С. Лихачева

Простые предложения (ПП) – 34 %, в том числе:	Сложные предложения (СП) – 65,9 %, в том числе:
неосложненные ПП – 19,3%; осложненные предложения ПП – 14,7%.	полипредикативные сложные предложения (ПСП) – 29,5%; сложноподчиненные предложения (СПП) – 22,8%; сложносочиненные предложения (ССП) – 6,8%; бессоюзные сложные предложения (БСП) – 6,8%.
ВСЕГО: 100%	

Обилие полипредикативных сложных предложений, сложноподчиненных предложений и частотное использование полупредикативных (причастных) оборотов – характерные черты письменного модуса научного стиля. Среди подчинительных конструкций преобладают придаточные присубстантивные с союзным словом *который*, характерные для речевого воплощения топоса *определение*. С другой стороны, постоянная обращенность к адресату-слушателю, непосредственная реализация авторского *я* путем частотного употребления этого личного местоимения в главной части СПП с придаточными изъяснительными (*я думаю, что...; я хочу, чтобы...; я могу сказать, что... и др.*), использование приемов экспрессивного синтаксиса (парцелляции, синтаксического

параллелизма, восклицательных предложений и др.) приближают анализируемые тексты к устному модусу публицистического стиля.

Эпидейктические речи Д.С. Лихачева совмещают в себе черты этих стилей не только с точки зрения синтаксической организации дискурса, но и с точки зрения лексического наполнения. Рассмотрим фрагмент, соответствующий зачину в разворачивании дискурса по смысловой модели *целое – части*:

*Мне хочется сегодня выделить **характерные** для Петербурга черты, **свойственные** всем векам его существования, которые необходимо поддерживать в будущем. Можем ли мы в самом деле говорить о существовании специфических русских черт в культуре нашего города? Я думаю – можем. Можем, если не будем придерживаться некоторых устаревших взглядов на наш город и, прежде всего, того утверждения, что Петербург не столько русский, сколько европейский город, и что, дескать, Петр изменил характер русской культуры кардинальным образом [4, с. 12].*

Как мы видим, в данном фрагменте достаточно последовательно прослеживаются характеристики, традиционные для научного стиля: преобладание сложных синтаксических конструкций с присоединением придаточных предложений при помощи союзов и союзных слов (*которые, если, что*), наличие причастного оборота (*свойственные...*), использование абстрактных существительных (*употребление, существование, утверждение*) и общественно значимых прилагательных (*специфические, кардинальный, характерный*) и др. Однако о том, что этот текст все же принадлежит к устному модусу дискурса, о присущей ему публицистичности, свидетельствует непосредственная реализация авторской позиции при помощи личного местоимения *я* (*я думаю*), вовлечение говорящего и слушающего в ситуацию общения путем употребления личного местоимения *мы* в сочетании с повтором глагола *можем* и риторического вопроса, а также использование разговорного вводного слова *дескать*.

Таким образом, можно сделать вывод, что торжественные речи Д.С. Лихачева при наличии всех свойственных для традиционной эпидейктики характеристик, имеют целый ряд индивидуально-авторских особенностей, они занимают промежуточное положение между письменный и устным модусом разворачивания дискурса, представляют собой синкретичное явление по отношению к функциональным стилям и характеризуются статусно-ориентированным стилем коммуникации.

Как показало исследование языкового материала, строгой соотнесенности между структурно-смысловыми моделями порождения дискурса и их конкретной синтаксической репрезентацией не существует. Так, например, в речах Д.С. Лихачева некоторые топосы (например, топос *целое – части*) сами имеют сложную внутреннюю организацию: за счет иерархической категории связности они реализуются в дискурсе, объединяя несколько крупных смысловых фрагментов (на письме – абзацев) в единое целое, а внутри каждого фрагмента действуют уже другие структурно-смысловые модели (например, топосы *определение, причина и следствие, пример, обстоятельства*). Некоторые топосы имеют, как нам представляется, прототипические синтаксические модели репрезентации в дискурсе (например, для топоса *определение* – это сложноподчиненное предложение нерасчлененной структуры с придаточным присубстантивным, а для топоса *причина и следствие* – СПП с соответствующими детерминантными придаточными и союзными средствами связи). В реальном же дискурсе синтаксическая репрезентация той или иной структурно-смысловой модели может происходить по-разному, при помощи самых разных синтаксических единиц. Это зависит не только от лингвистических (модус, жанр, функциональный стиль), но и от экстралингвистических факторов: языковой компетенции, вкусов, пристрастий, рода деятельности и т.д. автора речевого произведения, социально-психологического портрета адресата высказывания, ситуации общения и др.

Изучение синтаксической репрезентации в конкретном дискурсе той или иной структурно-смысловой когнитивной модели порождения текста и создание их типологии является, по нашему мнению, интересным и перспективным направлением дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Ассуирова Л. В.* Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания: автореф. дис. докт. пед. наук: 13.00.02 / МПГУ. – М., 2003. – 37 с.
2. Большой словарь иностранных слов в русском языке. – М.: ЮНВЕС, 1998. – 784 с.
3. *Воробьева С.В.* Перельман. / С.В. Воробьева // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 558-565.

4. Д.С. Лихачев – университетские встречи. 16 текстов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – 96 с.

5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А.Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – №2. – С.3–21.

6. Лукашевич С.В. Топика как способ создания аргументации в юридических текстах: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Гос. ин-т рус. яз.им. А.С. Пушкина. – М, 2004. – 23 с.

7. Михальская А.К. Основы риторики / А.К. Михальская. – М.: Дрофа, 2001. – 496 с.

8. Садикова В.А. Топика как система структурно-смысловых моделей (типология инвариантов высказывания): Автореф. дис. докт. филол. наук: 10.02.19. / ТГУ. – Тверь, 2012. – 43 с.

9. Соболева А.К. Теодор Фивег и его книга «Топика и юриспруденция: к вопросу об основном методе исследования в праве» (Theodor Vieweg. Einheitssacht: Topik und Jurisprudenz. Munchen, 1953) / А.К. Соболева // Риторика. – 1997. – № 1 (4). – С. 77 – 94.

10. Хазагеров, Г. Г. Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры / Г. Г. Хазагеров // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2008. – № 3. – С. 6-26.

11. Хазагеров Г.Г. Постулаты риторической школы [Электронный ресурс] // Георгий Хазагеров: авторский сайт. – Режим доступа: <http://www.khazagerov.com/rhetoricschool/57-rhetoricschoolcommon/121-rhetoricschool-postulates.html>.

Стаття надійшла до редакції 29.01.14

Палатовська О., к. філол. н., доц.,
Інститу філології КНУ імені Тараса Шевченка

СТРУКТУРНО-СМИСЛОВІ МОДЕЛІ ЕПІДЕЙКТИЧНОЇ ПРОМОВИ (на матеріалі виступів академіка Д.С. Лихачова)

У статті описано структурно-сміслові моделі (топоси), на основі яких відбувається процес породження епідейктичного дискурсу, також розглянуто способи синтаксичної репрезентації виділених топосів.

Ключові слова: *структурно-сміслова модель, топос, топика, епідейктичний дискурс, синтаксична репрезентація, складне речення.*

Palatovska O., PhD, Associate Professor,
Post-graduate Student (Doctoral Studies)
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC MODELS OF EPIDEICTIC DISCOURSE (based on the speeches of the academician D. S. Likhachov)

The article describes the structural and semantic models (topos) and how the topos are used in generation of epideictic discourse, as well as how separated topos can be syntactically represented.

Key words: *structural and semantic model, topos, topic, epideictic discourse, syntactic representation, complex sentence.*

УДК 81.42.133.1

Пасічник Г. П., к.філол.н., ст.викл.,
Ужгородський національний університет

КОНЦЕПТ ПЕЙЗАЖ У СЕМАНТИКО-КОНГНІТИВНОМУ ПРОСТОРІ АНГЛОМОВНОЇ ДЕТЕКТИВНОЇ ПРОЗИ

Особливості художнього концепту ПЕЙЗАЖ проаналізовано з позицій когнітивної лінгвістики, інтерпретації концептів та їх конституентів у мовленнєвій діяльності на матеріалі англійської детективної прози. З'ясовано, що вербалізатори досліджуваного концепту в детективних повістях А. К. Дойля використовуються в основному для актуалізації фону розповіді, що додає їй вірогідності і/або проектує певні почуття персонажів на оточуючий простір. Діапазон лексичних репрезентантів концепту ПЕЙЗАЖ виявляється в окремих випадках доволі широким, проте вони переважно мають дескриптивний характер. Місце перебування героїв творів накладає відбиток і на специфіку об'єктивної цього концепту.

Ключові слова: *художній концепт ПЕЙЗАЖ детективної прози, вербалізатори, об'єктивна концепту, семантична домінанта концепту.*

Наш науковий пошук присвячено проблемі вивчення художнього концепту ПЕЙЗАЖ на матеріалі англійської детективної прози. Досліджуваний концепт не отримав глибокої і всебічної розвідки, незважаючи на його значущість у концептосфері носіїв мови. На сьогодні відсутні спеціальні роботи, у яких розглядається весь комплекс мовних засобів його вираження на матеріалі англійської детективної повісті. Образ російської природи як системи у взаємозв'язку індивідуальних складників від Г.Д. Державіна до сучасних поетів (Б. Ахмадуліна,